



Сколько ни старайся, невозможно забыть, как ты в первый раз услышал голос петуха, прямо у тебя под окнами возвещающего о рассвете нового дня.

Когда это случилось со мной, я мигом пробудился — в чужой кровати, в незнакомой мне комнате, в доме, где никогда прежде не бывал. Окна были совершенно не там, где я привык их лицезреть, а за этими самыми окнами робкое предвестие утра позволяло разглядеть не виденные мною до этого деревья.

Я нажал на кнопку незнакомого будильника, потом треснул по ней кулаком и наконец понял, что звук исходит не отсюда. Точно, разбудивший меня шум раздавался где-то вдалеке, не в комнате.

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку-у-у!!

Звук приближался, нарастал, становился резче.

— Чтоб тебя! — Это недоброе пожелание заставило меня кувыркнуться на другой бок, и тогда я увидел, кто его произнес: рядом со мной в постели беспокойно задвигалась чья-то фигура. Женщина, чей голос был еще хриплым со сна. Она сбросила с себя толстое ватное одеяло и проворно устремилась куда-то.

В полумраке я смутно разглядел, что мелькнувшая передо мной загадочная фигура одета в синие шаровары, какие носят хирурги в операционных, и желтую фуфайку. Эй, погодите-ка! Никакая это не загадочная блондинка — это

же Пэм, на которой я вот-вот женюсь. Только что она здесь-то делает? В сумеречном свете я увидел, как она замешкалась на минуту, явно собирая свои вещи, а потом скользнула к двери, распахнула ее и исчезла.

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку-у-у!!

Я взглянул на будильник, стоявший на тумбочке у кровати: без пяти пять утра. В голове постепенно прояснилось, замелькали воспоминания, разрозненные картинки стали складываться воедино. Я же накануне въехал сюда! Ну да, так и есть — именно въехал, и не просто так. Я покинул свой любимый Бостон, где последние двадцать два года жил, редко отлучаясь куда-либо надолго. Покинул город и перебрался в далекие края, называемые пригородом, где на каждом шагу зелень. Расстался с почтенным кирпичным городским домом, простоявшим уже сто пятьдесят лет, полным очарования, обладавшим своим собственным характером, — и перебрался в бестолковый новенький дом в пригороде. Вокруг здания была еще такая травяная штукovina — как мне сказали, называется она «лужайка». Я отказался от жизни свободной и независимой (тогда единственной домашней обязанностью, да и то с натяжкой, можно было считать заботу о золотистом ретривере, который, впрочем, никогда не претендовал на что-то особенное) и стал жить вместе с Пэм, двумя ее дочками, двумя их кроликами и псиной по кличке Уолтер. Причем жить в новом доме, который со вчерашнего дня, кажется, наполовину принадлежал мне.

— Ку-ка-ре-ку-у-у-у!!!

Ой, как же это я про петуха-то забыл? Его же еще прозвали моим «персональным будильником». Это он, Цыпа, вопил сейчас за окном, Цыпа будил меня, Цыпа в своей неповторимой манере извещал весь свет о том, что у меня теперь началась совершенно новая жизнь. Как и я, он провел первую ночь здесь, только спал не в самом доме, а в своем личном особнячке, который по специальному заказу Пэм построили во дворе, у торца дома, и который стоил бешеных денег — с высокими двойными дверями из кедровых досок,

с толстыми стенами, снабженными тепло- и звукоизолирующей, с тесовой крышей и полочкой, служившей петуху насестом. Там еще не успели вставить стекла в окна, чем и объяснялись пронзительные вопли, разбудившие нас на заре. Цыпа проснулся, заслышав звуки, которые заставили его заподозрить, что к дому подкрадываются хищники, и издал устрашающий боевой клич, явно пробудивший всю улицу. С добрым утром, дорогие соседи!

Я услышал на первом этаже довольное кудахтанье успокоившегося петушка — несомненно, Пэм несла его на руках. На мгновение меня объял страх — а что, если она несет его прямо к нам в постель? — но тут послышался стук двери, ведущей в подвал, шаги, потом все стихло. Еще минута — и в комнате стало светлее, а Пэм скользнула под одеяло рядом со мной.

— Бедняжка, такой напуганный и растерянный, — сонным голосом пробормотала она.

— Ничего, сейчас пройдет, — отозвался я.

— Да нет же, я про Цыпу говорю.

Пэм снова мирно уснула, а я лежал с открытыми глазами и раздумывал над тем, как мне придется устроиваться. Я говорю не о беспокойной, шумной жизни в окружении множества людей; не о внезапных драматических коллизиях, поджидающих меня в самых спокойных (на первый взгляд) уголках дома; не о той бесконечной какофонии звуков, которую создают две девочки, две собаки и один петух; не о долгих поездках из дому на работу; не о соседе, который неизбежно будет высовываться из-за забора и советовать мне, когда нужно считать гамбургеры достаточно подрумянившимися; даже не о том, что до ближайшей кофейни мне теперь надо идти вдоль оживленного шоссе, в самый конец длинного одноэтажного торгового центра с обширной парковкой. Нет, я говорю всего лишь о том, как мне вставать, собираться, выходить из дому. В закончившейся вчера прежней жизни я спокойно гулял со своим ретривером по дорожкам тихого парка, который зовется Эспланадой, —

он протянулся вдоль берега реки Чарльз, текущей через Бостон. Когда идешь, по одну руку течет река, на удивление чистая и прозрачная. По другую руку вздымаются многоэтажные громады района Бэк-Бэй¹. Мы делали крюк и проходили через городской парк, где прогулочные лодки, стилизованные под лебедей, ожидали пассажиров, желающих покататься по озеру, а клумбы с веселенькими разноцветными тюльпанами навевали мечты о грядущих переменах к лучшему. Неспешно проходили по Ньюбери-стрит, мимо еще не открывшихся магазинов и бутиков, и мой пес радостно ловил брызги из шлангов: множество торговцев поливали участки тротуара перед своими магазинами. Останавливались у кафе, где симпатичная продавщица, всегда радостно меня встречавшая, уже хорошо изучила мои вкусы. Входя, я кланялся ей, она отвечала приветливым кивком, начинала хлопотать, а потом я сидел и читал газету, а пес лениво нежился на солнышке.

Теперь же я ограничен пределами своего двора, а до «Данкин донатс»² нужно добираться на машине. Мало того, у меня в доме еще имеется восьмилетнее существо по имени Каролина, которое минувшим летом научилось у старшего двоюродного брата открывать любые замки обыкновенной шпилькой для волос. Это получалось у нее просто замечательно, в результате чего я стал принимать душ необычайно быстро, все время кося при этом глазом на дверь.

— Мама! Мама! Мама!

Обе девочки как раз в эту минуту вихрем ворвались в спальню, совершили великолепный синхронный прыжок и приземлились на кровати между мною и Пэм, причем старшая, Абигейл, устроилась на мне, окинула меня сверху критическим взглядом и озвучила свой приговор:

— У тебя волосы торчат как попало!

¹ Бэк-Бэй — самый дорогой и престижный район Бостона. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² «Данкин донатс» — сеть закусовых быстрого обслуживания, более 50 сортов пончиков и кофе.

Буду знать, это полезно. Пэм перевернулась на бок, все трое крепко обнялись и стали делиться впечатлениями о первой ночи, проведенной в новых спальнях. Разволновались оба пса — затеяли возню на полу. Цыпа двумя этажами ниже тоже не замедлил подать голос.

— Он в подвале, — объяснила Пэм в ответ на вопросительные взгляды девочек и тем самым словно нажала на кнопку «пуск реактивных двигателей». Они вылетели из спальни еще быстрее, чем влетели в нее, за ними чуть медленнее последовала мама, за нею — оба пса, а я остался наедине со своими опасениями и надеждами. Надеялся я на то, что затеянное мною грандиозное предприятие пойдет как по маслу, опасения же были продиктованы извращенным мышлением, которое подсовывало мне вполне реальные перспективы дальнейшего усложнения ситуации.

Я принял душ быстро, как никогда в жизни, и спустился вниз. Все живое, что только было в доме, собралось на кухне. Собаки лежали, в глазах — ожидание, хотя заметно было, что они сбиты с толку и не уверены, чего именно им следует ждать.

— Как я вас понимаю, ребята, — вздохнул я.

У стола откуда-то возникла клетка с крольчихами Долли и Лили — я еще не был готов сдавать экзамен по билету «Как отличить одну от другой». Пэм нарезала кубиками фрукты и теперь жарила на сковородке оладьи. Откуда взялась сковородка? Я понятия не имел, что у нас есть такая. Да и как Пэм сумела отыскать ее в этом море нераспакованных ящиков и коробок? В своем старом доме я прожил десять лет и ни разу не заглядывал в духовку, а тем более не готовил себе завтрак.

Да, и еще Цыпа. Большой, белый, упитанный, надутый от гордости, с красным упругим, будто резиновым гребешком и бородкой того же цвета, он цокал по полу, высоко поднимая ноги, пытаясь пробраться между собаками, и ласково бормотал в адрес девочек, которые опустили на колени и изо всех сил старались подбодрить и успокоить его.